

В. Кириенко (Беларусь)

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ
ЛИТОВСКО-ЛАТЫШСКО-БЕЛОРУССКОГО
МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАК
ФАКТОР ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ БЕЛАРУСИ
ПО ЕВРОПЕЙСКОМУ ВЕКТОРУ**

Мировой опыт, в том числе и современный, наглядно демонстрирует, что стабильность межгосударственных интеграционных процессов в значительной степени предопределяется комплиментарной совместимостью социокультурных, ментальных характеристик взаимодействующих народов и наций. Поэтому заинтересованное, беспрепятственное и корректное изучение исторических процессов взаимодействия этносов и наций позволит выработать оптимальные формы межгосударственных экономических, геополитических интеграционных процессов, не разрушающих национальную идентичность, социокультурный суверенитет народов.

В статье рассматриваются социокультурные и геополитические интеграционные процессы между белорусским, литовским и латышским этносами. Показано, что белорусский, литовский и латышский этносы, будучи близкородственными индоевропейскими по происхождению, развиваясь в похожих природно-географических условиях и в составе одних и тех же государственных образований — Великого княжества Литовского и Жемойтского, Речи Посполитой и Российской империи, сформировали у себя похожие ментальные характеристики — толерантность, трудолюбие, гостеприимство.

Ключевые слова: интеграционные процессы, национальный менталитет, социокультурная совместимость, межэтническое взаимодействие, национальная идентичность.

Географическое расположение Беларуси на культурно-цивилизационных осях «Север — Юг» и «Запад — Восток» предопределил ее срединный социокультурный статус — флуктуации (fluctuation — лат. колебание) между культурно-цивилизационными Севером и Югом, Западом и Востоком. В Беларуси, расположенной в географическом центре Европы, встретились, переплелись два типа культуры, два типа цивилизации: западная (европейская) и восточная (евразийская). «Стыковка» Востока и Запада не всегда носила мирный характер. И западные, и восточные части не всегда были зваными и желанными. Правда, Беларусь в средние века счастливо избежала насильственного

насаждения культуры. Восточная культура, носителями которой были татаро-монгольские племена, до Беларуси доходила адаптированная великорусской культурой, а западная культура крестоносцев была адаптированной польской, литовской и латышской культурами.

Таким образом, одним из существенных факторов формирования менталитета белорусов явилось непрекращающееся межэтническое взаимодействие на землях Беларуси. Варяги, французы, шведы, поляки, немцы, татары — двигались ли они с европейского севера на европейский юг, или с европейского юга на европейский север, с европейского запада на восток или с востока на запад, все они оставили следы в материальной и духовной культуре белорусского народа и в той или иной степени влияли на формирование менталитета белорусов. Но базовые ментальные характеристики белорусов сформировались в процессе длительного взаимодействия с соседями-этносами, разделенными условиями, государственными границами.

Формирование белорусского этноса, его культуры и менталитета на северо-западных границах происходило в тесной взаимосвязи с балтскими этносами. По утверждению Л. Гумилева, первые поселения на территории современной Беларуси появились «в конце Померанской стадии последнего оледенения. В тундре, примыкающей к уходящему леднику, стали появляться редкие леса, окаймляющие реки и озера. Тогда на берегах Немана и Двины сложились древние этносы балтской группы, дожившие до нашего времени в ландшафте, который от потепления стал монотонным» (Гумилев 2001, с. 197). Будучи родственными индоевропейскими по происхождению со славянскими, балтские племена территорию Беларуси заселили раньше славянских племен. На северо-западных границах расселения белорусского этноса «в позднем средневековье проживала большая группа балтского населения, которая, как и западноевропейская (польская), в языковом и культурном отношении тесно взаимодействовала с расположенным по соседству восточнославянским населением, установила с ним языковые, культурные связи, воспринимая, с одной стороны, его язык и культуру, с другой — сохраняя и передавая ему элементы своего языка и культуры» (Пилипенко 1991, с. 102).

В течение столетий совместного, соседского проживания на одной территории культура и быт населения балтских и восточнославянских племен приобрели общие черты, но вместе с тем имели и существенные различия. Балтское население в свое время получило достаточно устойчивые культурные германские и польские «прививки»

Язык литовцев и латышей существенно отличался от славянских. В отличие от белорусов, в большинстве исповедующих православие, на территории балтских этносов были распространены католическая и протестантская версии христианства. Все это и предопределило сдержанно-соседские толерантные отношения белорусов со своими северо-западными соседями.

Самым заметным и самым существенным звеном в межэтническом взаимодействии с неславянскими этносами было белорусско-литовское взаимодействие. Длительное время находясь в составе одних и тех же государственных образований — Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского, Речи Посполитой и Российской империи, белорусский и литовский этносы формировались не только в похожих природно-географических, но и в сходных государственно-политических условиях. Удобное географическое положение, выход к Балтийскому морю делали территорию Литвы, так же как и Беларуси, постоянным объектом военных притязаний. «Со времен Ярослава I редкий из русских князей не ходил на Литву, чтобы завоевать ее. Ярослав успел даже обложить литовцев данью, но не надолго. Походы русских князей не всегда были успешны: сам Мстислав Великий испытал неудачу в Литве, где погибли целые полки его» (Семенов 1993, с. 74). Литовские князья также при первой же возможности осуществляли захватнические операции. «С половины XII ст. литовцы сделались грозой русских княжеств, обнаруживая в набегах своих грозную силу, страшную злобу, отчаянную дерзость. Они опустошали пределы Полоцкие, Новгородские, Псковские, даже Волыньские» (Семенов 1993, с. 74). Но Литва была объектом притязаний не только со стороны русских князей, но и германских меченосцев. «В начале XIII ст. являются новые сильные враги литовцев. На берегах Двины в 1201 г. образовался орден Ливонский; в Пруссии же в 1225 г. орден Меченосцев. Последние после упорной борьбы успели поработить литовцев-пруссиков и в 1265 г. силою обратить их в христианство. С Литвой же и Жмудью пришлось им долго еще вести кровавую и продолжительную войну» (Семенов 1993, с. 74).

Имеющие близкородственные индоевропейские корни, белорусы и литовцы внешне были похожи друг на друга. «Литовцы, с редкими исключениями, имеют волосы белокурые, в юности совершенно белые, доходящие почти до цвета жемчуга; в среднем возрасте и в старости волосы темнеют, но никогда не переходят в рыжий цвет. Глаза у большинства голубые. Нос большей частью античный, в прямой

линии с челом. Лицо и тело цвета совершенно белого. Вообще настоящий литовец физиономией разнится от белоруса, у которого черты более мужественные, волосы большей частью темного цвета, также и глаза. Женщины литовские отличаются приятной наружностью, ... славятся своей красотой. Правильные черты лица, голубые глаза, белокурые волосы, гибкий стан отличают их от белорусских женщин, хотя между последними также много красавиц» (Семенов 1993, с. 25). Литовцы, также как и белорусы, имеют средний рост от 156 до 173 см. Хотя встречаются и выше (Семенов 1993, с. 25). Одежда у литовцев и белорусов была почти одинаковая. Поверх рубахи литовцы, также как и белорусы, носили короткие свитки из белого холста, осенью и зимой — сермяги из серого сукна и полушубок.

Мировоззрение литовцев, сформированное под влиянием девственной природы, похожей на белорусскую, по оценкам исследователей, так же как и у белорусов, в очень сильной степени было природно-языческим. Так же как и у белорусов, христианство у литовцев было удивительным образом переплетено с язычеством. «Литовцы под влиянием духовенства успели придать своим обрядам совершенно христианский характер, не менее того предрассудки не только уцелели от прежнего времени, но еще много других позаимствовали от своих соседей белорусов, у которых едва ли не больше разных суеверных обычаев, чем у литовцев» (Семенов 1993, с. 41).

Литовцы также, как и белорусы, совершенно удивительным образом синтезировали свою прежнюю природно-языческую обрядность с христианской. В реальной духовной жизни уликовцев «прежние идолы, прежние праздники применялись к христианским, получали новое название, и этим довольствовались. Народ, например, чтит вербу, в которую, по преданию, обратилась богиня плодородия, окружал ее и поклонялся ей. Духовенство повесило икону на вербе, и народ продолжал молиться перед нею. Духовенство радовалось, что молятся перед иконой; народ радовался, что не запрещают молиться перед вербой» (Семенов 1993 с. 33).

Несмотря на то что в своем большинстве белорусы исповедовали православие, а литовцы — католицизм, нахождение в составе единого государственного образования, постоянные межэтнические контакты у белорусов и литовцев сформировали идентичные уникальные христианско-языческие обряды и ритуалы. «Праздничные обряды литовцев имели и теперь имеют много общего со славянскими вообще и белорусскими в особенности. Так, праздник Рождества напоминал

праздник *коляды*. Новый год праздновали языческим *щедрым вечером*, в день крещения совершались обряды с пирогами; Пасха Христова напоминала шумное празднество *волочения*; в Георгиев день — шумное, веселое празднество в поле с плясками, песнями, играми; в Троицын день завивали венки; в день Рождества Иоанна Предтечи скакали через огонь; в день Петра и Павла строили качели ... обряды эти и им подобные имели все знаменья язычества» (Семенов 1993, с. 34).

Уступая по своим конкурентным характеристикам в осуществлении торговой и ремесленной деятельности евреям, «литовец и белорус могли обратиться только к тем занятиям, которые не привлекают евреев, и кроме земледельства, скотоводства, огородничества, пчеловодства и т. п. вообще земледельческих занятий, являются чернорабочими при рубке леса, в речном сплаве, землекопом на железнодорожных постройках и, наконец, работниками на фабриках и заводах, оставляя ремесленность, особенно развившуюся в городах и местечках области, мелкую торговлю в руках евреев» (Семенов 1993, с. 225). Следует отметить, что у литовцев так же, как и у белорусов, сельскохозяйственная деятельность носила не только производственный, но и сакральный характер. Все важнейшие сельскохозяйственные работы непременно сопровождалась соответствующими обрядами. Конец сельскохозяйственного года — сбор урожая, жатва были наполнены сакральным смыслом. «Из всех сельских занятий жатва — самое уважаемое и любимое. На жатву все спешат охотно, а по ее окончании не только крупные землевладельцы, но и более зажиточные крестьяне совершают *дожинки*, почти одинаково как у литовцев, так и белорусов. ... После угощения, в котором, конечно, водка играет главную роль, является деревенская музыка, зажигаются костры, песни и пляски продолжаются до глубокой ночи» (Семенов 1993, с. 25).

Внешнее сходство белорусов с литовцами, территориальное соседство, отсутствие антагонистических отношений и территориальных притязаний друг к другу, сходство культуры и типов хозяйственной деятельности вносили путаницу в этническую идентификацию белорусского и литовского этносов. За большей частью белорусского этноса как со стороны великорусского, так и польского этносов закрепилось название «литвины». Но широко распространенное название центральной части современной Беларуси «Литва», а ее жителей «литвины» носило не социально-этническую, а государственно-политическую нагрузку. На это обстоятельство, в частности, указывает М. Ф. Пилипенко. «Наименование центральной части «Белой

Руси» «Литвой», а белорусов этого региона «литвинами» обусловлено рядом факторов, и прежде всего особенностями политической истории населения этого края, а именно, его близостью к центру государства Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского, а со второй половины 16 в. — Великого княжества Литовского, которое называлось часто Литвой» (Пилипенко 1991, с. 109).

Одним из балтских этносов, во взаимодействии с которым происходило становление белорусского этноса, были *латыши*. К концу XIX ст. около 300 тыс. латышей компактно проживало в Витебской губернии. Они были коренными жителями Подвинья, раньше белорусов пришедшими на эти земли. «Латышское племя представляет собой принявшую в себя некоторое количество финской (эстонской) крови отрасль литовского... Латыши живут почти сплошной массой в трех уездах Витебской губернии (Ржицком, Люцинском и Двинском)... Витебские латыши очень мало отличаются от своих прибалтийских собратьев; впрочем, они подверглись в значительной мере колонизации, благодаря прежнему господству поляков и влиянию католического духовенства; кое в чем на них сказывается и белорусское влияние» (Семенов 1904, с. 207).

Культура, быт, уровень благосостояния и тип хозяйственной деятельности латышей, проживающих на территории Беларуси, в значительной степени совпадали с культурой, бытом, благосостоянием и типом хозяйственной деятельности белорусов. Внешние черты «латыша весьма близко подходят к одноплеменным с ним литовцам и пруссам: он среднего роста, имеет русые волосы, светлые глаза и нередко очень симпатичные племенные черты лица» (Семенов 1904, с. 209). По описаниям этнографов, *латыши*, на первый взгляд, так же как и белорус, казался мрачным, неразговорчивым, скрытным. «Но эта самая наружность совершенно изменяется в минуты веселья или откровенной беседы с человеком, которого он уважает и которому верит. Тогда кажущаяся скрытность, недоверие заменяются полнейшей откровенностью, и самая наружность делается приветливою, ласковою. Латыш, так же и литовец, гостеприимен, нравственен, нрава кроткого» (Семенов 1993, с. 286). Также как и белорусы, латыши отличались гостеприимством, кротким отношением к окружающим. «Латышей считают способным народом, хотя и не особенно предприимчивым. Подобно белорусу, латыш легко отступает при трудных обстоятельствах, отличаясь пассивной покорностью» (Семенов 1904, с. 209). Исследователи, изучающие быт витебских латышей

после отмены крепостного права, «единогласно указывали на крайнюю бедность их быта: курная изба, с одним маленьким стеклянным окошком, неприхотливость в пище, вследствие ее недостатка, бедности в одежде» (Семенов 1904, с. 207—208).

По вероисповеданию большинство витебских латышей были католиками и протестантами. В том числе и по этой причине взаимовлияние белорусского и латышского этносов было сдержанно-толерантным. И тем не менее оно имело место. «Чем ближе к белорусским поселениям, тем заметнее изменяется общий вид латышского поселка. Лифляндский латыш предпочитает селиться особняком; витебские же латыши живут, как и белорусы, небольшими селениями» (Семенов 1904, с. 209). В белорусско-латвийском межгранице как с белорусской, так и с латвийской стороны, компактно проживали старообрядцы. Несмотря на то что взаимодействие латышей и старообрядцев было ограниченным, проникновение старообрядческой культуры в быт латышей происходило. «В последнее время обстановка жизни витебских латышей быстро изменяется. Курная изба, характерная еще для 1860 г., заменяется избой русского типа под влиянием соседних раскольников» (Семенов 1904, с. 209).

Одежда латышей мало чем отличалась от одежды соседей-белорусов: была столь же проста и незатейлива. «Среди витебских латышей исчезает и старинная национальная одежда: ее заменяет сермяга, по крою схожая с белорусской» (Семенов 1904, с. 209). Но под влиянием католицизма, строгого к соблюдению торжественности обрядов, выходная одежда латышей была более праздничной и изысканной, чем у белорусов. «В праздник латыш идет в костел в длиннополом суконном кафтане и в шляпе с широкими полями. Женщины в праздник одевают цветные платья со складками, цветной корсаж и на голову косынку, из-за которой у девушек свешивается коса. Таким образом, *«праздничный костюм латышей дороже, наряднее и затейливее, нему соседей-белорусов»* (Семенов 1904, с. 209). (Выделено мною — В. К.)

В мировоззрении латышей, так же как и их соседей — литовцев и белорусов, христианские начала удивительным образом переплетались с древнеязыческими. «Отсутствие оригинальности в пережитках старинного мировоззрения латышей объясняется их родством с литовцами, сходство латышских обрядов со славянскими находит себе объяснение в том, что языческая религия русских славян и литовцев имела много общих черт; без сомнения и соседство с белорусами не осталось без следа в латышской обрядности» (Семенов 1904,

с. 210). У латышей в самый важный христианский праздник «Рождества Христова» главными были позаимствованные у белорусов языческие элементы. «На обряде Рождественских святок у витебских латышей сказывается сильное влияние белорусов. Кроме гаданий и игр, приуроченных к этим святкам, здешние латыши поют еще «колядки», что не встречается у балтских латышей» (Семенов 1904, с. 211).

Одним из важнейших элементов кормящего ландшафта, формировавших латышский этнос, был лес. Поэтому культура латышей, так же как и белорусов, в значительной степени была «лесной». «Иванов день и у витебских латышей сопровождался такими же верованиями, как у русских славян: верят в то, что солнце играет в этот день, ищут кладов, верят в чудодейственную силу цветущего папоротника» (Семенов 1904, с. 211).

Мировоззрение латышей, весь уклад их жизни был подчинен установлению гармонии с природой. Основным занятием латышей, так же как и белорусов, был сельскохозяйственный труд. Поэтому «обрядовый и годичный круг празднеств латышской народности сопровождается почитанием аграрных божеств. Очень древние верования сказываются и в тех обрядах, которые сопровождают важнейшие моменты в жизни латыша — рождение, брак и смерть. В родильных и крестильных обрядах большую роль играет «Лайма» — богиня судьбы, доля. Лайма считается покровительницей вообще женщин и в особенности родильниц. Она плетет судьбу человека и в особенности определяет брак женщин» (Семенов 1904, с. 211).

Схожие природно-климатические условия, неагрессивные, пассивно-созерцательные характеристики латышей, литовцев и белорусов, когда ни одна сторона не осуществляла по отношению друг к другу экспансивных намерений, сформировали добрососедские, уважительные отношения соседних народов.

Таким образом, исторический опыт межэтнического взаимодействия белорусских субэтносов с балтийскими латышским и литовским этносами, схожий менталитет, народные обычаи и традиции помимо других объективных условий являются для Беларуси дополнительными шансами для более успешной реализации интеграционных процессов с Европейским Союзом через Латвию и Литву.

В свою очередь представляется, что государства Балтии наиболее комфортные пути реализации восточной политики в области экономики, гуманитарной и социокультурной сфер также лежат через Беларусь.

Библиография

- Гумилев Л. Н. (2001) Этногенез и биосфера Земли. — М.: Рольф, 197.
- Пилипенко М.Ф. (1991) Возникновение Белоруссии. Новая концепция. — Мн.: Беларусь, 102, 109.
- Семенов П.П. (1993) Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Литовское и Белорусское Полесье. Репринтное издание 1882 года. — Мн.: Белорусская Энциклопедия, 25, 33—34, 41, 74, 225, 286.
- Семенов П.П. (1904) Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Том. 9. — СПб: Издание А.Ф. Девриена, 207—211.
- Кириенко, В.В. (2009) Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого.

Historical Expenence of Lithuanian-Latvian-Belorusian
Inter-ethnic Interaction as a Factor of the Integral Processes of
Belarus According to European Vector

Resume

Socio-cultural and national-political integration processes taking place between Belarusian, Lithuanian and Latvian ethnic communities are considered in the paper. It is shown that Belarusian, Lithuanian and Latvian ethnic communities being close-related and Indo-European by origin, developing in similar natural and geographic conditions and being the parts of the same national formations, the Great Duchy of Lithuania and Gemot and then of Rzech Pospolita formed similar mental characteristics i.e. tolerance, diligence, hospitality.

Key-words: integration process, national mentality, social and cultural compatibility, interethnic cooperation, national identity.